

Д. Д. Ивлев

В. В. ТОМАШЕВСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ  
ПУШКИНСКОГО СТИХА

Борис Викторович Томашевский — классик отечественного пушкиноведения — был одновременно одним из тех, кто закладывал основы современного стиховедения. Пушкиноведение и наука о стихе — две сферы, к которым постоянно обращалось внимание ученого. В то же время для Томашевского они не были разобщены. Говоря о начале научного пути исследователя, Н. В. Измайлов пишет следующее: «Стиховедческие изыскания закономерно совпали для него с пушкиноведческими: творчество любимого им смолоду величайшего русского поэта давало неисчерпаемый материал для наблюдений»<sup>1</sup>.

Оказанное помогает понять утверждение, что говоря об ученом как исследователе пушкинского стиха, мы постоянно должны держать в поле зрения его стиховедческую концепцию в целом. А между тем ни тема «Томашевский — стиховед», ни тема «Томашевский — исследователь пушкинского стиха» специально в литературоведении не затрагивались. Поэтому представляется целесообразным поставить вопрос об эволюции стиховедческой концепции ученого, его изучения пушкинского стиха, в частности, как двух взаимосвязанных проблем, потому что «история изучения стиха Пушкина — это в значительной мере история русского стиховедения»<sup>2</sup>.

Несмотря на весьма значительный вклад, который внес Борис Викторович Томашевский и в ту и в другую научную

<sup>1</sup> И з м а й л о в Н. В. Борис Викторович Томашевский. (Некролог). — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1958, т. 18, вып. 1, с. 106.

<sup>2</sup> Х о л щ е в н и к о в В. Е. Стихосложение (Пушкина). — В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., «Наука», 1966, с. 535.

область, что роль в качестве стиховеда выяснена неполно и недостаточно. В научной литературе ищется на этот счет лишь беглые и полупустые характеристики. Как представляется, назрела необходимость в уточнении картины эволюции Томашевского — исследователя русского стиха, в частности, стиха Пушкина.

Общую картину развития стиховедческих воззрений ученого мы находим в "Краткой литературной энциклопедии", где говорится так: "В области стиховедения деятельность Томашевского имела две стадии. Работы 1910-20-х гг. (сб. "О стихе", 1929) посвящены детальному описанию отдельных форм метра и ритма и уточнению главных понятий стиховедения: широкое применение Томашевским статистических методов и, в частности, методов построения языковой модели стиха стало важным рубежом в истории стиховедения. Работы 40-50-х гг. (сб. "Стих и язык", 1959) освещают общие проблемы связи стиха с языком и культурой, содержательности стихотворной формы"<sup>3</sup>. Подобное деление пути Томашевского-стиховеда на два этапа мы находим и в редакционном предисловии к сборнику "Стих и язык": "В стиховедческих занятиях Б.В.Томашевского было два основных периода. Работы первого периода сам автор именовал "описательными", считая их "непосредственным обследованием поэтического материала". Эти "описательные" работы были объединены в книге "О стихе" 1929 года. В следующий период, более длительный, Б.В.Томашевский, продолжая "обследование", стал уже приходиться к выводам общего характера"<sup>4</sup>.

При совпадении указаний на два этапа, через которые прошла деятельность стиховеда, обе характеристики, как представляется, содержат разные оценки работ 20-х, с

<sup>3</sup> И з м а й л о в Н.В. Томашевский. — В кн.: КЛЭ, т.7, стр.571.

<sup>4</sup> От редакции. — В кн.: Б.В.Томашевский. Стих и язык. Филологические очерки. М.-Л., Гослитиздат, 1959, с.3. Газрядка моя. — Д.И.

одной стороны, и 40-50-х, - с другой. В статье энциклопедии отмечен принципиальный характер работ, собранных в книгу "О стихе", в редакционном предисловии говорится о них лишь как об "описательных". Пира "выводов" отнесена ко времени второго этапа, хронологические рамки которого, кстати сказать, в предисловии не определены.

Резкое противопоставление двух этапов мы находим в ряде современных работ по стиховедению, где речь ведется и о Томашевском. Так, на страницах книги Б.П. Гончарова "Звуковая организация стиха и проблемы рифмы" Томашевский "ранних работ" предстает перед нами как сторонник "нормативной метрики"<sup>5</sup>. Лишь поздний Томашевский, отойдя "от (...) положений своих ранних работ"<sup>6</sup>, оказывается в состоянии преодолеть односторонность и абстрактность своих первых шагов в науке о стихе.

Таким образом, предстоит конкретизировать представление об эволюции Томашевского-стиховеда и о смысле его методических и методологических исканий на различных этапах творческого пути ученого. Согласившись с общим делением этого пути на периоды ранний и поздний, мы считаем нужным отметить в их рамках моменты, сыгравшие важную роль в развитии теоретических воззрений исследователя в области науки о стихе. При этом необходимо учитывать не время появления статей Томашевского в печати, а время их написания. Без учета этого последнего условия картина будет страдать неточностью. Так, в обстоятельной и полной статье Н.В. Замайлова "Б.В. Томашевский как исследователь Пушкина" начало стиховедческой и пушкиноведческой работы Томашевского отнесено к 1913 году, когда начинающий ученый вернулся в Россию из Бельгии после четырехлетней учебы в Льежском

<sup>5</sup> Гончаров Б.П. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. М., "Наука", 1973, с.11.

<sup>6</sup> Гончаров Б.П. Указ.соч., с.32.

университете: "в этом году были им задуманы или начаты его первые работы о Пушкине, многие из которых напечатаны значительно позже, а сохранили значение до наших дней, например, интересная и важная статья "Генезис "Поэсы западных славян" (сборник "Атеней", кн. III, 1926)\*<sup>7</sup>. Но статья Томашевского "Ритмика четырехстопного ямба по наблюдениям над стихом "Евгения Онегина", впервые опубликованная в 1913 году, имеет проставленную автором дату: 1909-1915 гг.<sup>8</sup>

Что представляли собой первые шаги в области стиховедения и исследования пушкинского стиха, сделанные до возвращения Томашевского в Россию, позволят судить два письма, написанные молодым ученым из Брюсселя В.Я. Брюсову в 1910-11 гг.<sup>9</sup> Из них ясно, что к концу 1910 г. - времени написания первого из них - у Томашевского уже сложился свой взгляд на методику статистического обследования русского стиха, которая отличалась от той, что нашла свое осуществление на страницах "Символизма" Андрея Белого.

Здесь уместно коснуться вопроса о соотношении методики обоих стиховедов. Как нам кажется, многие затрагивавшие эту тему отвечали на него или приблизительно или неверно, когда речь заходила о месте Андрея Белого и Томашевского в истории русского стихосложения. В большинстве случаев переворот в науке о стихе связывается с работами, опубликованными в "Символизме" (1916). И вряд ли необходимо ставить это утверждение под сомнение. Но нельзя не возразить, когда работы Томашевского 20-х гг. безогово-

<sup>7</sup> И з м а й л о в Н.В. Б.В. Томашевский как исследователь Пушкина. - В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 5.

<sup>8</sup> Т о м а ш е в с к и й Б. О стихе, Статья. Л., "Прибой", 1929, с. 135.

<sup>9</sup> См.: Письма Б.В. Томашевского В.Я. Брюсову. - "Ученые записки Тартуского государственного университета", 1971, вып. 284, Труды по знаковым системам, 5, с. 532-544.

рочно рассматриваются как появившиеся в русле методики Андрея Белого.

В работах Томашевского мы встречаем высокую оценку Андрея Белого-стиховеда. В одном случае о нем говорится как о создателе "статистической теории русского стиха"<sup>10</sup>, в другом отмечается плодотворность его работ, что связано с "применением статистического и описательного метода"<sup>11</sup>. Однако уже письма Томашевского Брюсову свидетельствуют о критическом отношении ученого к научным позициям Андрея Белого. Заходит ли речь о единице счета, Томашевский заявляет о недостаточности учета лишь "пиррихийев" и настаивает на необходимости рассмотрения ритмообразующей роли оловоразделов. Что же касается самого статистического метода, то Томашевским впервые в практике стиховедения была использована теория вероятности. Большим шагом по сравнению с методикой А.Белого было требование учета связи стиха и языка, сформулированное Томашевским уже в 1910 году, а вовсе не в "обобщающий" период, как это иногда представляется. В первом письме Брюсову "наряду с встречающейся вероятностью введена - впервые в русском стиховедении - вероятность высчитанная (по закону больших чисел). Соотнесение действительной вероятности с высчитанной позволило дать строгое статистическое и филологическое истолкование понятий "ритмическое усилие", "ритмическая работа" и "ритмическое богатство"<sup>12</sup>. Первое из трех вводимых ученых понятий обнаруживается в сопоставлении с высчитанной им пропорцией, какую бы "занимали те или иные формы ритма, если бы поэт писал наудачу"<sup>13</sup>, подчиняясь лишь "стихиям языка". Можно согласиться с утверждением, что со-

10 Томашевский А. О стихе, с.324.

11 Там же, с.139.

12 Труды по знаковым системам, 5 с.533.

13 Там же, с.535.

отношение стиха и языка в действительности выглядит несколько сложнее, чем это рисовалось молодому исследователю. Однако необходимо отметить, что уже в пору своих первых стиховедческих шагов Томашевский предугадал то направление, в котором будет развиваться методика статистического стиховедения в 60-е годы.

В то же время уже в первом письме мы словно встречаемся с ответом на поздние упреки в отказе связать изучение ритмики с "поэтическим содержанием": "Я, после некоторого колебания, отказался от установления связи между ритмом и логикой..."<sup>14</sup> Это произошло вовсе не в силу "формализма" Томашевского, а представляло собой неизбежный шаг, связанный с первым этапом изучения ритмики, шаг, требующий подобной изоляции ритмической основы от других компонентов, образующих стих как некую целостность. Впрочем, введение в статистику оловоразделов уже в этот период как раз и означало обогащение картины реального функционирования стиха как речевого явления.

Письма Брюсову знаменуют первый этап стиховедческих изысканий Томашевского. Методика еще не сложилась полностью; во втором письме, написанном в мае 1911 года, ученый отказывается от некоторых своих прежних утверждений (неточностей в терминологии, опрощает математический аппарат и т.п.). Результаты наблюдений над стихом "Евгения Онегина" в расширенном и откорректированном виде Томашевский опубликует в 1913 году. Думается, что период 1909-1914 годов (до первого выступления Томашевского в печати) мы можем рассматривать как "подготовительный" этап стиховедческой и пушкиноведческой деятельности ученого. Здесь мы находим все контуры будущей концепции Томашевского-стиховеда. Здесь намечены направления, в которых им будет вестись полемика в последующие периоды.

<sup>14</sup> Труды по знаковым системам, 5, с. 534.

Следующий этап можно, исходя из тех соображений, что центральное место в нем занимает математическое обследование стиха, условно назвать "статистическим". Он охватывает время с 1915 по 1920 год. Оговорим сразу же условный характер предлагаемых наименований. Они не охватывают всего содержания и направленности ведущихся Томашевским в эти годы исследований. Кроме того, приблизительно и рамки каждого этапа. Установление более точной хронологии требует дополнительного изучения. Учитывая сказанное, попытаемся охарактеризовать этот второй период эволюции учебного.

Его начало ознаменовано первыми выступлениями Томашевского в печати по вопросам стихосложения и пушкиноведения. Проблематика работ ученого 1915-16 годов связана с обсуждением вопроса о характере пушкинского народного стиха. Поводом для дискуссии послужила работа С.П.Боброва "Новое о стихосложении А.С.Пушкина" (1915), где стих "Сказки о рыбаке и рыбке" трактовался как "трехдольный паузник" с анапестом в основе. Исходя из выдвинутого Андреем Белым со- и противопоставления "метра" и "ритма", С.Бобров и рассматривает анапестическую основу в качестве "метра". "Ритмом" становится стих сказки, восполненный "паузами" в случае отсутствия схемного гласного, либо с "наращением" при появлении "сверхсхемных" безударных. В рецензии на книгу С.П.Боброва (1915), а затем в двух статьях "О стихе "Песен западных славян" (1916) и "Генезис "Песен западных славян"<sup>15</sup> Б.В.Томашевский дает свое толкование народного стиха Пушкина. "В отличие от С.П.Боброва, Б.В. Томашевский видит в стихе "Песен западных славян" не "трехдольный паузник", а вариации пятистопного хоря", -

---

15 По свидетельству Н.В.Измайлова, статья "Генезис "Песен западных славян" была написана, как и предыдущая, в это же время (см.его ст.: "Б.В.Томашевский как исследователь Пушкина").

пишет В.Е.Колшевников <sup>16</sup>, Заключая вопрос о споре двух стиховедов, он делает следующее замечание: "Точка зрения Б.В.Томашевского представляется ошибочной, однако надо сказать, что и предмет исследования труден" <sup>17</sup>.

Последнее суждение справедливо, но оно не отвечает на вопрос, почему Томашевский держался выдвинутой им точки зрения. А суть заключается в том, что версия о "замене" паузой безударного слога не могла не вызвать недоверия. Томашевский, склоняясь к признанию введенных Андреем Белым понятий, рассматривает в качестве "метра" пятистопный хорей с ограниченными отступлениями ("ритм"). Однако ученый стремится не пользоваться при описании "ототуплений" понятием "паузы". Взамен этого последнего им вводится понятие "ритмического перебора", или "сдвига ударения" <sup>18</sup>.

Смысл вводимого понятия ясен. Если "пауза", на взгляд многих стиховедов, не могла явиться компенсацией "опущенного" безударного, и вследствие этого "теория "паузников" не могла не привести к нарушению ритмичности стиха, то "перебой" не вел к утрате единицы ритма (чем, как казалось Томашевскому в этот период, могла быть только стопа), а лишь представлял собой "замену хорей ямбом" <sup>19</sup>.

И в дальнейшем Томашевский предпочитал говорить не о "паузах" в такого рода стихах, а о "сокращении" неудар-

---

<sup>16</sup> Пушкин, Итоги и проблемы изучения. М.-Л., "Наука", 1966, с.543.

<sup>17</sup> Там же. О спорах вокруг понятия "паузник" см. в кн.: И в л е в Д.Д. Ритмика Маяковского и традиции русского классического стиха. Рига, Ред.-изд. отд. ЛГУ им.П.Стучки, 1973, с.37-44.

<sup>18</sup> Т о м а ш е в с к и й Б.В. О стихе, с.67.

<sup>19</sup> Там же.



ных интервалов <sup>20</sup>, "стяжениях" <sup>21</sup>, по-видимому, внутренне не соглашаясь с толкованием С.П.Боброва. В данном же случае важно подчеркнуть следующее: то, в чем сегодня стиховеды видят ошибку Томашевского (В.Е.Холшевников), или его "нормативизм" (Б.П.Гончаров), было выражением последовательности ученого.

Как уже было сказано выше, взгляд сторонников "паузной" концепции приводил к утрате единицы ритма ("паувированная" стопа анапеста не являлась чем-то равным "полной" стопе). Томашевский стремился эту единицу сохранить, так как постоянно подчеркивал, что "...по отношению к каждому роду (ритмических, - Д.И.) явлений должен быть налицо момент с р а в н и м о с т и" <sup>22</sup>. Другой вопрос, что эта верная мысль отставалась в неверных понятиях ("стопа" не является единицей ритма; "метр" и "ритм", как они понимались Андреем Белым и с чем в этот период соглашался Томашевский, понятия ненаучные). Все это так. Пройдет совсем немного времени и Томашевский откажется от стиховедческой схоластики школы Андрея Белого и сам выступит ее наиболее последовательным критиком. Но пока в терминах, какие ему могла предложить наука 10-х годов, Томашевский стремился поставить центральные вопросы стиховедения и наша задача сегодня понять логику шагов ученого, а не только констатировать ту или иную его ошибку.

Борьба Томашевского за понимание стиха как явления ритмического сказывается в его полемике против "скептического" направления (Н.В.Недоброво, В.А.Чудовский) и про-

<sup>20</sup> См.: Томашевский Б.В.: Русское стихосложение. Пб., "Academia", 1928, с.52.

<sup>21</sup> См.: Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. Изд.4, М.-Л., Госиздат, 1928, с.123. Ср. с его же кн.: Стилистика и стихосложение. Курс лекций. Л., Учпедгиз, 1959, с.398-401.

<sup>22</sup> Томашевский Б. О стихе, с.258. Разрядка моя. - Д.И.

тив "логаядической" точки зрения. Думается, что последнее название неточно. Это чувствовал В.Я. Бужосов — один из создателей "логаядической" теории. В конце концов он пришел к мысли о необходимости ее конкретизации, что выразилось во введении им понятия "ипостасы" <sup>23</sup>. Вот как характеризовал в 1923 году Б.В. Томашевский "учение о л о г а - э д и ч н о с т и — т.е. оложности русских стихов": "Основным допущением у авторов этого направления являлось положение, что русские стихи слагаются из р а з л и ч - н ы х стоп. Иначе говоря, разрезав стихи на стопы, мы получим не однообразные ямбы или хорей, а смесь ямбов с другими стихами" <sup>24</sup>. Сторонники этой теории терпят однородную ритмическую единицу, говорят ли они о разнородных стопах как слагаемых ритма или об "одноударных пэонах" <sup>25</sup> и "диподиях" <sup>26</sup>.

Полемика со "скептическим" направлением велась Томашевским первоначально в русле трактовки Андреем Белым "метра" и "ритма". Но восприятие Томашевским этих понятий было вовсе не механическим. Сопоставление того и другого давало возможность применить точные методы исследования русского стиха. Выше уже говорилось, каким образом их сравнение дало возможность Томашевскому создать свою оригинальную методiku. На новом этапе предстояло добиться ее уточнения. Статьи "Ритмика четырехстопного ямба по наблюдениям над стихом "Евгения Онегина" (написана в 1909-1915 гг., напечатана в 1918 г.), "Пятистопный ямб Пушкина" (прочитана в качестве доклада в Московском лингвистическом кружке 8 июня 1919 г., напечатана в 1923 г.) и "Ритм прозы. ("Пиковая дама")" (прочитана в МЛК в

<sup>23</sup> О теории "ипостас" см.: И в л е в Д.Д. Указ.соч., с.25-26.

<sup>24</sup> Томашевский Б.В. Русское стихосложение, с.28.

<sup>25</sup> Там же, с.30.

<sup>26</sup> Там же, с.32.

начале 1920 г., напечатана в 1929 г.) представляют собой широкое обследование пушкинского стиха, который в то же время стал основным полем приложения и эмпирической проверки методики Томашевского.

Позднее, включив статьи, написанные в 10-е и 20-е годы, в сборник "О стихе", Томашевский не считал нужным "выпрямлять" и "выравнивать" их в соответствии со своими более поздними взглядами и оценками. Как большой ученый он не боялся следов противоречий и споров с самим собой в своих трудах, так как они отражали этапы становления науки о стихе и сами к 1929 году - времени выхода итогового сборника Томашевского - становились фактом истории. В то же время ученый открыто подчеркивал дискуссионный характер ряда излагаемых вопросов. Томашевский дорожил этим живым, движущимся, а не устоявшимся состоянием стиховедения. Об этом говорит заключительная фраза его важнейшей методологической работы 20-х гг. "Стих и ритм": "Потому то и весело работать над стихом, что в этой области почти все - спорно" <sup>27</sup>.

С различным решением целого ряда проблем мы встречаемся на страницах сборника "О стихе", когда речь заходит о "полуударениях" (ср. с. 15-16 и 160), "метре" и "ритме" (ср. с. 53 и 74) и др. Однако главная задача - изучение и объяснение особого характера пушкинского стиха - Томашевским была выполнена с блеском. Сложность решения этой задачи заключалась в том, что стих Пушкина при конкретном изучении представлялся стиховедам чем-то неуловимым: "В то время как лексика Пушкина поражала современников совершенной нестройностью и новизной, создавая впечатление резкого диссонанса на фоне поэтической традиции, стихосложение его в ритмическом и эвфоническом отношении всегда признавалось необычайно "легким"

---

<sup>27</sup> Томашевский Б.В. О стихе, с. 62.

(незатрудненность пушкинского стиха иногда ставилась ему в недостаток)"<sup>28</sup>.

Как представляется, этот последний упрек предъявляли читатели и стиховеды, воспитанные на традициях стиха начала XX века, когда в значительной степени "ощутимость" ритмики и вообще поэзии стала связываться с нарушениями предшествующего ритмического навыка. В объяснении загадки стиха Пушкина Томашевский пошел иным путем; в "легкости" он увидел гармоническое соответствие законам языковых норм: "Пушкин осуществлял какую-то естественную норму русского стиха начала XIX века, давая общее разрешение задачи стихового оформления речи"<sup>29</sup>.

Свидетельством тому, по мнению Томашевского, являлось, например, распределение ударений в пушкинском ямбе в соответствии с языковой нормой: "Разительное сходство кривых (вычисленных и действительных графиков распределения ударений - Д.И.) должно привести к выводу, что числовой закон распределения ударений в ямбе найден правильно. Он является эмпирическим выражением ритмической тенденции Пушкина, формулирующим разрешение поэтом задачи распределения выдыхательной энергии в стихе, овладения дыханием идеального декламатора"<sup>30</sup>.

"Легкость" четырехстопного ямба (а именно он прежде всего ассоциируется с понятием "стих Пушкина") объясняется еще и тем, что его протяженность в 8 слогов совпадает с таковой в прозаическом периоде. "Поскольку речевая функция стиха соответствует ритмической единице прозы, естественно ожидать наибольшей живенности 8 сложного стиха в русской поэзии, как наиболее отвечающего условиям ритма

28 Т о м а ш е в с к и й Б.В. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., "Образование", 1925, с.89.

29 Там же.

30 Т о м а ш е в с к и й Б. О стихе, с.178.

литературной речи. Действительно, этому условно отвечающ русский 4-х стопный ямб..." 31

Вследствие этой "легкости" и неуловимости пушкинский стих надо было изучать, сопоставив его ритмическую характеристику с речевыми нормами распределения словесных ударений. Кстати, говоря о "совпадении" обеих "кривых", Томашевский указывал и на их различия (бедь стих не может повторить речь на 100%): "Эти отклонения и следует изучать в стиховедении" 32. Определить пушкинскую оригинальность должно было помочь выяснение генезиса стиховых форм поэта: Томашевский придавал этому моменту важное значение. Так, в специальной статье говорится о генезисе "лесен западных славян". В статье о пятистопном ямбе, говоря о сходстве этого размера у Пушкина с ритмической характеристикой (по словоразделам) французского двенадцатисложного конца XVIII века, Томашевский завершает свой удивительный анализ эволюции этого стиха в творчестве поэта, делая интереснейший вывод: вслед за демонстративным отказом от цезуры в "Домике в Коломне" (1830), Пушкин в своих последних стихотворениях вновь возвращается, как могло показаться, "к оставленным полузабытым формам" 33 декасиллаба. Однако цифровой анализ показал, "что Пушкин уже не вернулся к ритму стихов до 30 года. Опыт бесцезурного ямба оставил свой след. <...> Французская силлабическая волна (была, - Д.И...) разбита. Ритм приобрел за 30-е годы новые формы, не разрушающиеся даже тогда, когда формально Пушкин обратился к старому метру" 34.

Оценивая достоинства своей методики и свой личный вклад в науку о стихе, Томашевский был предельно сдержан:

31 Там же, с.274.

32 Там же, с.178.

33 Там же, с.160.

34 Там же, с.249.

более того, он склонен был преуменьшать их. Как думается, это давало и дает до сих пор повод к узкому и ограниченному их пониманию. Так, слова ученого о неумении стиховедов определить оригинальный вклад Пушкина в развитие русского стиха, В.Е.Холшевников отнес и к самому Томашевскому<sup>35</sup>. Однако все сказанное выше как раз и противоречит такому утверждению.

Более того, подобному предположению не соответствует и статистическое определение Томашевским индивидуальной характеристики пушкинского ямба, т.е. того явления, которое позднее будет названо "образом метра": "Совокупность всех (...) данных показывает, насколько индивидуален для каждого поэта его ритм. После этого становится ясным, что ритм "Гавриилиады" не случайно похож на ритм пушкинских стихов. Такого сходства мы ни в коем случае не встретили бы, если бы эта поэма была написана другим поэтом. Авторство Пушкина обнаруживается здесь убедительнее, чем в каких бы то ни было обвинительных актах"<sup>36</sup>.

Думается, что то же заблуждение дало повод Б.П.Гончарову безоговорочно причислить Томашевского рассматриваемой поры к последователям "нормативизма" Андрея Белого. И казалось бы есть к этому все основания. Разве не сам Томашевский, говоря о ряде стиховедческих работ 10-х - начала 20-х годов, в том числе о своих собственных, писал: "Перечисленные работы отправляются от схем Андрея Белого и занимаются преимущественно вопросом о распределении лексического материала (ударений и словоразделов) в пределах стихотворной строки Пушкина."<sup>37</sup>. Эта и подобные оценки продиктовали взгляд на "статистические" рабо-

35 См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения, с.537.

36 Томашевский В. О стихе, с.239.

37 Томашевский В. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения, с.88.

ты Томашевского только как на "описательные", ценные своим фактическим материалом, который лишь более объективен, чем у Андрея Белого. Так ли это?

Как уже говорилось ранее, Андреем Белым осуществлялся "слепой" подсчет, расшифровываемый лишь в плане сопоставления с характеристиками данных других поэтов. Объяснения с точки зрения взаимосвязи стиха и языка в этом случае и не могло быть. А это вело к тому, что Андрей Белый не уделял должного внимания и фонетике; его методика знала лишь две группы гласных в стихе - ударные и неударные: "Экспираторное ударение - энергетическое отношение звучания - не представляет собой единого, недифференцированного явления, как это казалось первым исследователям русского ритма, которые только и учитывали слоги ударные и неударные, подводя все ударения под одну общую категорию. Между тем в оценке ритма следует различать три ряда ударений, причем в пределах каждого ряда возможна градация интенсивности этих ударений. Наибольшее внимание привлекали словесные ударения, и именно их учитывал А.Белый в своих статьях сборника "Символизм"<sup>38</sup>.

Уже в этот второй период Томашевским создаются основы метрики, которую можно назвать "фонетической" (через несколько лет она будет уточнена "фонологическими принципами" изучения стиха)<sup>39</sup>. Таким образом, представление о работах "статистического" периода, ценных только своей фактической стороной, значительно обедняет картину и в историческом и в теоретическом отношениях. Что же касается первого упрека, то Томашевский никак не может рассматриваться в эти годы как последователь Андрея Белого и методики, которая сложилась в стиховедческой практике символизма.

В эти годы Томашевским ведется полемика с "московской школой", на самом деле - "школой" Андрея Белого. Эта по-

<sup>38</sup> Томашевский Б. О стихе, с.14.

<sup>39</sup> См.: там же, с.42.

лемика касалась прежде всего интерпретации стихового материала и затрагивала три аспекта: осмысления явлений поэтической фонетики, критики "графиков" и "фигур", применяемых Андреем Белым и его последователями, а также толкования результатов статистики. Во всех названных аспектах символизм допускал импрессионизм, что вообще было характерно для этого направления как такового.

"Магия звуков" закономерно перешла в "магию фигур и графиков", а затем - и "магию" цифр. Это в значительной мере придавало статистическим трудам символистов ненаучный характер. "Вообще, - пишет в этой связи Томашевский, - к статистическому методу следовало бы обращаться только тем, у кого развито чувство цифры. Филологи в цифре обычно видят "отметку", своего рода балл. Подсчеты часто делаются с целью выведения какого-то оценочного коэффициента, который сразу дает нам суждение о качестве испытуемого.

Если для Пушкина мы путем разных манипуляций получили 20, а для Брюсова - 5, то исследователь торжествует свою победу. Все эти "коэффициенты" и представляют наибольшее зло филологической "статистики". Такими коэффициентами страдают работы А.Белого и Г.Шенгели" <sup>40</sup>. Цифры, графики, "фигуры" "московской школы" ненаучны, так как интерпретируются упрощенно-прямолинейно. Стиховеды при этом пытаются в фактах ритмики и эвфонии увидеть "аккомпанимент содержания" <sup>41</sup>. И если работы символистов-стиховедов не обесцениваются полностью, то лишь благодаря "исключительно выдающимся интуитивным способностям" <sup>42</sup> их авторов.

<sup>40</sup> Томашевский Б. О стихе, с.35.

<sup>41</sup> Ср. мнение Андрея Белого: "Инструментовка поэтов бессознательно выражает аккомпанирование внешней формой идейного содержания поэзии" (цит. по кн.: Э й - х е н б а у м Б. Сквозь литературу. Л., "Academia", 1924, с.204).

<sup>42</sup> Томашевский Б. О стихе, с.188.



Подобную оценку мы находим в статье **Томашевского** "Брюсов как стиховед", когда речь заходит о **Брюсове** как теоретике и практике: "Труды Брюсова должны возбуждать совершенно особый к себе интерес и требовать совершенно особого к себе подхода. С точки зрения теоретической, с точки зрения чистой науки (...) труды Брюсова вызвали резкую и может быть справедливую критику. Но совершенно несомненно значение трудов Брюсова (...) как свидетельства такого крупного поэта как Брюсов о стиховом творчестве..." 43

Стремясь избежать подобного субъективизма, Томашевский намеренно ограничил свои "статистические" труды изучением лексического уровня. Например: "Я избегал делать какие-либо общие выводы из предыдущего..." 44, или: "В настоящей работе практические, историко-литературные интересы стояли на втором плане" 45 и т.п. Однако этот "аскетизм", о котором упоминает В.Е.Холшевников 46, был вовсе не следствием "формализма" намеренного или невольного. Томашевский понимал, что перенос на материал ритмики, который, как и любой речевой материал сам по себе нейтрален, идейных и содержательных критериев может привести лишь к просчетам "московской школы".

Предостерегая от них, Томашевский в "статистический" период как раз и ставит своей целью подчеркнуть нейтральность ритмики как явления, подчиняющегося языковым закономерностям распределения ударных и безударных. С этим связана и объективно-статистическая методика и нарочито "беспристрастный" анализ ритмических форм. Томашевский демонстративно делает шаги, которые не могли не казаться кощунственными символистам, воспринимающим "эмоциональный ореол" каждого из размеров как нечто присущее самой

43 Там же, с.321.

44 Т о м а ш е в с к и й Б. О стихе, с.131.

45 Там же, с.249.

46 См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения, с.545.

фактуре стиха: ученый сопоставлял второе полустишие пяти-  
стопного цезурного ямба с закономерностями, обнаруженными  
при изучении ямба трехстопного. Это "разъятие гармонии"  
аналитическим ланцетом, так пугавшее символистов, дало  
свои блестящие результаты: Томашевский теперь мог статисти-  
чески исчислить ожидаемую возможность появления ударе-  
ний в любой разновидности ямбического стиха <sup>47</sup>.

В то же время выяснилось, что "практическая стихия  
языка господствует не на всей длине" <sup>48</sup> стиха: "отрезав  
"голову" и "хвост" стиха, обладающие своей постоянной ди-  
намической нагрузкой, не влияющей на среднюю нагрузку ря-  
да, мы получим "середину" стиха, подчиняющуюся закону  
средней ударности, т.е. принимающую в среднем число уда-  
рений, пропорциональное общей слоговой длине отреза" <sup>49</sup>.  
Так Томашевским делается вывод о специфике того явления,  
присущего как поэзии, так и прозе, которое он назвал "аль-  
тернирующим ритмом" <sup>50</sup>.

Таким образом, не "формализм", а борьба с импрессио-  
низмом привели Томашевского к экспериментальному подтвер-  
ждению того важнейшего методологического вывода, из кото-  
рого он исходил и ранее, о связи стиха и языка. Если  
вспомнить, какое место занимает это утверждение в разви-  
тии всего советского стиховедения, нельзя не согласиться,  
что работы Томашевского "статистического" периода должны  
заять в истории науки о стихе самое почетное место. Вме-  
няемое Томашевскому отсутствие в его работах 20-х годов  
связи анализа стиха с анализом поэтического содержания <sup>51</sup>  
в свете сказанного становится неосновательным: повторяем,

47 См.: Томашевский Б. О стихе, с.177.

48 Там же, с.168.

49 Там же, с.55.

50 Там же, с.304.

51 См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения, с.545,547.

Томашевский имел полное право ограничить из научных соображений уровень своих исследований.

Испрекая ученого, стиховеды не всегда помнят, что Томашевский уже в этот период прекрасно видел возможность осмысления анализа стиховых форм лишь в связи с вопросами поэтических стилей и жанра. Например: "Цели воздействия (стиховых форм, - Д.И.) в широком смысле - задачи стилистики, определяют, какими приемом звучания поэт будет осуществлять ритмический импульс. Но не только стиль определяет пользование той или иной стороной звучания, но и тип языкового мышления автора" <sup>52</sup>; или: "Цифры <...> показывают относительную независимость рифмовки от метра стиха. Гораздо большая зависимость замечается между рифмовкой и жанром" <sup>53</sup>, и т.д.

Отдавая себе ясный отчет в связи стиховых и содержательных компонентов стиха, Томашевский не считал вправе форсировать решение этой важнейшей проблемы без предварительного изучения других уровней структуры поэтического произведения, изучения, подобного тому, какому была подвергнута ритмика пушкинского стиха и которая по сегодня оценивается как "исчерпывающая" <sup>54</sup>.

Подводя итоги второго, "статистического" этапа эволюции Томашевского-стиховеда, мы разойдемся с теми, кто считает его позитивными результатами только фактическую сторону трудов ученого. В этот период были сделаны важные выводы теоретического характера, сохранившие свое значение до наших дней: экспериментально доказана мысль о связи стиха и языка, заложены основы "фонетической ритмики", вскрыта методологическая несостоятельность стиховедческой концепции символизма, охарактеризована

---

<sup>52</sup> Томашевский Б. О стихе, с.26, Разрядка в тексте.

<sup>53</sup> Там же, с.216.

<sup>54</sup> Пушкин. Итоги и проблемы изучения, с.544.

ритмическая специфика пушкинских размеров. Если к этому прибавить еще разгадку второй стопы — показателя разницы ритмического навыка поэтов XVIII и XIX вв. — разницы, констатированной Андреем Белым, но так и оставшейся без объяснения, то станет ясен вклад Томашевского в стиховедение уже в рассматриваемый период.

Однако здесь имелись и свои минусы. Главным из них являлся факт употребления Томашевским старой, стопной, нотации. И пусть Томашевский к концу периода все чаще начинает оговаривать ее условный и "учебный" характер, стопная терминология вносила в труды ученого двусмысленность, затемняла существо той проблематики, которая выдвигалась.

Следующий период — 1922—1929 годы — безусловно должен быть назван "теоретическим". Начало его ознаменовано появлением статьи Томашевского "Проблема стихотворного ритма", прочитанной в качестве доклада в РИИИ (Российском Институте Истории Искусств) в ноябре 1922 года и напечатанной в 1923 году. Здесь ученый стремится расширить представление о ритме, представленное в обуженном виде в трудах Андрея Белого. Им намечаются три отдела ритмики: ритм словесно-ударный, ритм интонационно-фразовый, ритм гармонический, координируемые в понятии "ритмического импульса".

Читавшийся Томашевским в Ленинградском университете и Институте истории искусств курс русского стихосложения был издан в 1923 году. Здесь была сделана попытка систематического изложения теории русского стихосложения. Труд должен был иметь вторую часть, где Томашевский предполагал дать изложение истории русской теории стихосложения.

В предисловии к своей работе, которая издавалась автором в виде учебного пособия, Томашевский писал: "В силу такого задания я заботился более о систематичности изложения, чем об оригинальности излагаемых взглядов" <sup>55</sup>. Однако не надо понимать и эту авторскую

<sup>55</sup> Томашевский Б.В. Русское стихосложение, с.4.

оценку буквально. Именно здесь был сформулирован основополагающий закон — "принцип совместности" <sup>56</sup>, в силу которого становится возможной сочетаемость различных вариаций ритма одного размера, закон, значение которого трудно переоценить.

Более четко вопрос о "принципе совместности" поставлен и решен в важнейшей теоретической работе Томашевского 20-х годов "Стих и ритм", имевшей подзаголовок "Методологические замечания" (изложена в качестве доклада в ГИИИ в феврале 1925 г., напечатана в 1928 г.). Здесь Томашевским производится решительное очищение от "нормативной" нотации: "До сих пор теория стихосложения, собственно говоря, сводилась к теории стопы сложен и я" <sup>57</sup>, так как именно в стопе искали единицу ритма. Но в качестве таковой "от понятия стопы как метрического, строго ограниченного члена, следует отказаться" <sup>58</sup>.

Вопрос об источнике ритмичности стиха Томашевским переносился в иную плоскость: "Вопрос о стихе должен быть в первую очередь поставлен вне анализа его внутренней меры. Должны быть обследованы условия образования стиха, как речевой единицы, независимо от, так сказать, "молекулярного", внутреннего строения этой единицы..." <sup>59</sup>.

Но в таком случае единицей ритма, или — точнее — ритмической единицей стиха становится строка. "Под этим углом зрения должна быть освещена и вторая проблема — о внутренней мере стиха, т.е. о метрических формах, — писал Томашевский. — Изучая ямбы и хорей, анапесты и дактили, мы должны постоянно помнить, что оперируем отнюдь не автономными единицами — "стопами", а какими-то отношениями,

<sup>56</sup> Томашевский Б.В. Русское стихосложение, с.33-34.

<sup>57</sup> Томашевский Б. О стихе, с.37. Разрядка в тексте. — Д.И.

<sup>58</sup> Томашевский Б.В. Русское стихосложение, с.45.

<sup>59</sup> Томашевский Б. О стихе, с.38.

являющимися носителями закона, по которому организован весь стих как речевая единица, стих как элемент стиховой речи"<sup>60</sup>.

Что же является этим законом? "Метр", - сказал бы Андрей Белый. Но "метр (...)" ни в какой степени не является ключом к познанию стихового ритма в широком значении этого слова"<sup>61</sup>. Этим законом является "принцип совместности". Уточняя это понятие, Томашевский в своей новой работе, писал так: "Сущность выдвинутого мной принципа такова: четырехстопным ямбом (или другим каким-либо размером) мы должны называть всякое словосочетание, которое возможно сочетать с другими, удовлетворяющими этому признаку сочетаниями, в качестве стиха метрически однородного стихотворения. Быть может, точнее было бы говорить о подстановке: т.е. называть четырехстопным ямбом всякое сочетание, которое может заменить в стихотворении любой стих четырехстопного ямба. Иначе говоря, если мы условно называем какой-нибудь стих "Эвгения Онегина" четырехстопным ямбом, то всякое сочетание, которое можно поставить на место этого стиха, не разрушая принципа построения произведения, тоже будет четырехстопным ямбом"<sup>62</sup>.

В строках классического стиха "принцип совместности" равен "метру", а лучше сказать - совпадает с "метром", который в данном случае понимается как "признак сродства"<sup>63</sup> способных к сочетанию стихов. Этот "признак сродства" представляет собой факт совершенно объективный и выражается в двусложных размерах в распределении ударных (реально или потенциально наличествую-

60 Там же, с.38.

61 Там же, с.38.

62 Там же, с.46.

63 Томашевский Б.В. Русское стихосложение, с.44.

щих в стихе) или - точнее - "сильных" и "слабых" мест. В "хорее" "сильными" будут нечетные, в "ямбе" - четные. Их можно обнаружить при помощи скандовки. И хотя она - "явление производное" и сама по себе не может "служить теоретическим основанием для определения метра"<sup>64</sup>, но в то же время эта искусственная "скандовка не есть акт произвола, ибо она лишь обнаруживает вложенный в стихи закон их построения"<sup>65</sup>.

Таким образом, "метр" понимается на этот раз как рабочее определение принципа сочетания строк: "Метричность стиха имеет не самоценное значение, а подсобное, поскольку выполняет свою функцию узнавания меры (амплитуды) стиха.

Метр есть мера в том смысле, что дает показания о равенстве интонационных отрезков-стихов, об их совместности"<sup>66</sup>.

Значение работ "теоретического" периода в том, что Томашевский нашел убедительный ответ на вопрос, который оставался неразрешимым для сторонников "логаздических (разностопных)" теорий, - что является единицей ритма в русском классическом стихе. Томашевский вернул русскому стиховедению целостный взгляд на ритм стиха, взгляд, который был утрачен в результате атак "скептического направления". Современники высоко оценили эту сторону деятельности Томашевского-стиховеда: "В книге Томашевского ("Русское стихосложение", - Д.И.) дано законченное изложение системы русского "правильного" (классического) стихосложения (<...>), основанное на совершенно отчетливых принципах. В частности, отныне надо считать окончательно по-

64 Томашевский Б.В. (Рец.:) В.О.Unbegaun. Russian versification, Oxford, 1956. - "Вопросы языкознания", 1957, № 3, с.128.

65 Томашевский Б. О стихе, с.12.

66 Там же, с.46.

конченным с внешне увлекательными, но методологически совершенно бесплодными попытками догматического толкования стиха; старый принцип пяти метрических размеров блестяще реабилитирован Б.В.Томашевским<sup>67</sup>.

Однако это не означало на деле возврата к "старому принципу". Скорее напротив - предложенная Томашевским методика открывала возможности, далеко выходящие за пределы классического стихосложения. "Принцип совместности" мог быть осмыслен как универсальный закон "подстановки" и неклассических размеров, а тех разновидностей, которые сам ученый называл "индивидуальными"<sup>68</sup>, или "частными"<sup>69</sup>. То, что Томашевский об этом задумывался, свидетельствует заключительная глава статьи "Стих и ритм", посвященная как раз соображениям о способах применения "принципа совместности" к изучению неклассических размеров<sup>70</sup>. Однако высказав эти мысли, которые остались недооценены или незамечены в нашей науке о стихе, Томашевский больше к ним не возвращался. В поле его интересов продолжал занимать главное место классический стих, а центр внимания был направлен к стиху Пушкина.

Завершая разговор об этом, чрезвычайно важном этапе Томашевского, нельзя пройти и мимо спорных и противоречивых утверждений ученого. Так, решительное возражение вызывает мысль Томашевского о необходимости при изучении свободного стиха искать "лишь, среднюю норму"<sup>71</sup>. Если

<sup>67</sup> Смирнов А.А. Новейшие русские работы по поэтике и литературной методологии. - "Атеней", кн. 1-2, Л., 1924, с.152.

<sup>68</sup> Томашевский Б.В. (Рец.:) В.О. Vabegau. Russian versification, Oxford... , с.129.

<sup>69</sup> Томашевский Б.В. О стихе, с.61.

<sup>70</sup> См. в кн.: Ивлев Д.Д. Указ.соч., с.82-84.

<sup>71</sup> Томашевский Б.В. О стихе, с.61.



учесть, что под неопределенным в 20-е годы термином "свободный стих" Томашевский подразумевал и "дольники", то станет понятен смысл наших возражений: ритмический рисунок каждой последующей строки воспринимается не на фоне "общего представления" о ритмическом характере стихотворения"<sup>72-73</sup>, а на фоне предыдущей строки, благодаря которой наше ритмическое чувство ("ритмический импульс"?) фиксирует как сходство, так и отклонение друг от друга рядом стоящих строк.

Другое ошибочное утверждение, прямо вытекающее из первого, заключается в том, что "общее представление", или "ритмическое задание произведения", "п р е д ш е с т в у е т созданию произведения"<sup>74</sup>. Если это понимать в плане свидетельства Маяковского о "ритме-гуле", предшествующем созданию стихотворения, с этим утверждением можно безоговорочно согласиться. Но не возвращает ли оно нас к мысли о "метре-норме", к воплощению которой стремится поэт, но не может этого воплощения достичь (ср.: "... для поэта ощущение этой средней ритмической линии предшествует созданию произведения, и в процессе творчества он с большей или меньшей точностью стремится воплотить в слове это задание"<sup>75</sup>). Думается, что с этим утверждением спорит мысль, что "речь по инерции стремится циклически воспроизводить о д и н а к о в ы й рисунок, как мелодически-интонационный, так и ударный"<sup>76</sup>.

Утверждения ученого, в которых мы встречаем мысли,

<sup>72-73</sup> Томашевский Б.В. Русское стихосложение, с.65. Ср.: И в л е в Д.Д. Указ.соч., с.71-85.

<sup>74</sup> Томашевский Б.В. Русское стихосложение, с.65.

<sup>75</sup> Там же.

<sup>76</sup> Там же.

опровергающие одна другую, не должны нас смущать. Выше уже говорилось о взгляде самого Томашевского на подобные явления. Издавая итоговую книгу «О стихе» (1929), завершающую и суммирующую искания Томашевского 10-20-х годов, сам автор писал в послесловии следующее: «Собранные статьи писались на протяжении более чем пятнадцати лет (...)» — совершенно естественно, что в некоторых вопросах можно заметить колебания и противоречия. Я не счел нужным их устранивать, так как вопросы стиха и в настоящее время не доведены до такой ясности, чтобы можно было решительно и уверенно высказаться в пользу определенного решения»<sup>77</sup>.

Тем не менее, труды Томашевского этих лет, конечно же, дают определенное решение центральных проблем стиховедения. В них был заложен методический и методологический фундамент современного стиховедения. Очередной задачей становилось конкретное изучение русского классического стиха в его историческом развитии, рассмотрение изменения стиховых форм в жанровых и стилевых контекстах. Однако начало 30-х годов не принесло значительных результатов не только в масштабе деятельности Томашевского-стиховеда, но и всего советского стиховедения. «В 30-е годы, — пишет об этом В.Е.Холшевников, — обозначается кризис советского стиховедения, отразившийся и на изучении стиха Пушкина. Закономерная и необходимая в нашем литературоведении борьба с формализмом приводит — как это нередко случается — к крайностям. Вместе с мыльной водой выплескивали и ребенка, самое занятие стихом (и — шире — изучение вопросов поэтики) казалось многим проявлением не преодоленного формализма. Это сказалось прежде всего в уменьшении количества стиховедческих исследований: их с каждым годом выходит все меньше»<sup>78</sup>.

---

<sup>77</sup> Томашевский В. О стихе, с.326.

<sup>78</sup> Пушкин. Итоги и проблемы изучения, с.539.

Начало 30-х гг. связано с появлением статей Томашевского о Пушкине популяризаторского плана. Таковы "Работа Пушкина над стихом" ("Литературная учеба", 1930, № 4), ряд статей о стихе в "Путеводителе по Пушкину" (1931), статья "Язык и стиль Пушкина", написанная для однотомника сочинений поэта, изданного в 1935 году. К какому этапу мы их должны отнести? К "описательному" или "обобщающему"? Думается, что работы этих лет явились формой перехода от вопросов ритмики к проблемам стиля и языка (а также стиха) в контексте исторического пути Пушкина. Не составляя сами по себе "этапа", работы этих лет стали своеобразными набросками трудов Томашевского нового периода, начало которого датируется 1940 годом и который продолжается до смерти ученого (1957 г.).

Первым выступлением Томашевского в этот период по теоретическим вопросам стиховедения является его рецензия на книгу Л.И.Тимофеева "Теория стиха" (1939). Здесь говорится о законности и оправданности "интегрального изучения стихотворной речи", в результате которого ставится вопрос о связи "выразительных элементов стиха" с изображением характеров. Пример подобного изучения стиха "вне узких проблем стиховой метрики" Томашевский видел в книге Ю.Н.Тынянова "Проблема стихотворного языка" (1924). Новый путь изучения стиха, который наметил в своей книге Л.И. Тимофеев, оценивается Томашевским сочувственно: "В конце концов не так уж важно, с какого конца вести изложение теории стиха - от его специфических особенностей к общим выразительным свойствам, или обратно, - если само исследование охватило материал во всех его основных элементах и установило взаимосвязь элементов" <sup>79</sup>.

Именно это последнее - "взаимосвязь элементов" - как стиховой структуры, так и нестихового контекста - стало

<sup>79</sup> Томашевский Б. (Рец.:) Л.Тимофеев... Теория стиха. М., Гослитиздат, 1939. - "Литературный критик", 1940, № 7-8, с.272.

основной мыслью, основным пафосом работ Томашевского последнего периода. И в этом смысле можно согласиться с определением последнего периода как "обобщающего". Однако, это определение не дает характеристики новой методики Томашевского. Об этой последней можно судить по формулировке, принадлежащей самому автору, предпосланной одной из центральных работ этого периода "К истории русской рифмы": "Задача изучения форм стиха заключается в выяснении выразительной функции стихотворной речи в целом и отдельных элементов, ее составляющих. <...> Выразительная функция частных форм всецело зависит от той общей системы, к которой эти частные проблемы принадлежат" <sup>80</sup>.

Поясняя эту мысль, Томашевский писал: "Явление рифмы есть явление изменчивое. Поэтому нельзя определить рифму в о б щ е. Ее следует изучать и наблюдать всегда в определенных хронологических рамках и историко-литературных стилях. Попытка найти у н и в е р с а л ь н о е определение рифмы всегда приводит к тому, что такое определение становится бессодержательным. Современная рифма была бы для поэтов XVIII века совсем не рифмой, подобно тому как для современных французских поэтов многие рифмы классиков уже не звучат как рифмы" <sup>81</sup>.

Мы не ошибемся, если соотнесем суждения Томашевского со следующей точкой зрения: "Изучение литературной эволюции или изменчивости должно порвать с теориями наивной оценки, оказывающейся результатом смещения наблюдательных пунктов: оценка производится из одной эпохи-системы в другую". И далее: "Соотнесенность каждого элемента литературного произведения, как системы, с другими и, стало быть, со всей системой, я <...> называю конструктивной

<sup>80</sup> Томашевский Б.В. Стих и язык. Филологические очерки, с.69, 70.

<sup>81</sup> Там же, с.70.

ф у н к ц и е И данного элемента" <sup>82</sup>. Подобная методика изучения литературы сформулирована Ю.Н.Тыняновым и может быть названа "ф у н к ц и о н а л ь н о й". Стиховедческие труды Томашевского, собранные в посмертном сборнике статей ученого, объединены методикой "ф у н к ц и о н а л ь н о г о стиховедения", а сам период деятельности Томашевского (1940-1957 гг.) может быть назван периодом "функционального стиховедения".

В эти годы Томашевским написаны следующие работы, в которых заходит речь о стихе Пушкина: "К истории русской рифмы" (напечатана в 1948 г.), "Строфика Пушкина" (напечатана в 1958 г.), "Стих и язык" (напечатана в 1958 г.). Все эти работы, так же как и исследование о стихотворной системе "Горя от ума", были написаны Томашевским в годы Великой Отечественной войны в осажденном Ленинграде, а затем в эвакуации в Москве. По свидетельству И.В.Измайлова, "эти статьи в 1944 году были объединены в книгу "Стих и язык"... <sup>83</sup>". Послевоенные годы заняты работой Б.В.Томашевского над монографией о Пушкине (кн.1 - 1956 г., кн.2 - 1961 г.). В то же время им читается курс лекций по стилистике и стихосложению (напечатан в 1959 г.).

Методологические принципы, изложенные в статье о рифме, получают свое практическое воплощение в работах военного времени. В статье "Строфика Пушкина" перед нами предстают в неразрывном единстве строфические, жанровые, стилевые и метрические категории, в их историческом развитии. В другой статье эволюция принципов рифмовки и сам состав рифмы дан в связи с анализом норм литературного произношения и декламации. Конкретный анализ этих работ, являющихся по существу маленькими

82 Тынянов Ю.Н. Вопрос о литературной эволюции. - "На литературном посту", 1927, № 10, с.42. Разрядка в тексте.

83 Измайлов И.В. Борис Викторович Томашевский. (Некролог), с.107.

монографиями, может стать темой самостоятельных исследований о научной методике Томашевского-теоретика литературы и ее историка. Здесь же нельзя не присоединиться к оценке, которую дает Н.В.Измайлов универсализму Томашевского: "... Лингвистика, поэтика, метрика были всегда тесно связаны в его сознании" <sup>84</sup>. Одно дополняло другое, помогало объяснять факты рядом лежащих сфер. Методика Томашевского-теоретика, которую Н.В.Измайлов характеризует как "ф и л о л о г и ч е с к у ю" "в самом широком смысле этого термина" <sup>85</sup>, обозначила уровень, на котором и должна сегодня вестись исследовательская работа в области изучения художественной литературы.

Многолетнее изучение Пушкина должно было завершиться четырехтомной монографией. К исполнению своего замысла Томашевский готовился издавна. Исследование творчества великого поэта должно было включить наряду с биографией картину эволюции поэтического стиля как системы. Первым шагом на пути воплощения этого замысла явилась статья "Язык и стиль Пушкина" (1935), где стих рассматривался в соотносительности с поэтикой. В более расширенном виде то же намерение реализовано Томашевским в монографической статье, предпосланной им трехтомному собранию сочинений Пушкина <sup>86</sup>.

Однако замыслу ученого не суждено было исполниться. Словно предугадывая будущее, в послесловии к сборнику "О стихе" Томашевский писал: "Собранные в настоящей книге статьи распадаются на две части. Одни из них представляют фрагменты работы, которую в полном виде мне,

84 Измайлов Н.В. Б.В.Томашевский как исследователь Пушкина, с.17.

85 Там же, с.7.

86 Томашевский Б.В. Пушкин. - В кн.: А.С. Пушкин. Стихотворения в трех томах, т.1. "Библиотека поэта", большая серия. Л., "Советский писатель", 1955, с.5-63.

очевидно, не суждено выполнить, это изучение стихосложения Пушкина" <sup>87</sup>. В свою очередь завершённым оказался лишь первый том монографии о Пушкине. Его материал охватывает творчество поэта до отъезда в Михайловское. "Каждое сколько-нибудь значительное произведение лирики поэта лицейского, петербургского, южного периодов подвергаются исследователем детальному анализу, — пишет Н.В.Измайлов, — В своей последовательности эти анализы дают целую картину развития поэтики Пушкина" <sup>88</sup>. Задача изучения стилиевой системы поэта на всем протяжении его творческого пути завещана Томашевским советскому литературоведению.

Итак, в своей работе мы стремились проследить вклад Томашевского в изучение стиха Пушкина, а также вклад в развитие всего советского стиховедения. Наследие ученого широко и многогранно. Оно гораздо значительнее, чем это нередко представляется. Кроме того, оно сохраняет свою живакенность. Во-первых, тем что не может рассматриваться как освоенное, а потому и исчерпанное. А, во-вторых, тем, что служит предостережением и гарантией от различного рода вульгаризаций и упрощений в области поэтики и стиховедения.

---

87 Томашевский Б. О стихе, с.326.

88 Измайлов Н.В. Б.В.Томашевский как исследователь Пушкина, с.22.

Министерство высшего и среднего специального образования  
Латвийской ССР  
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени  
государственный университет имени Петра Стучки  
Кафедра русской литературы

Ученые записки  
Латвийского государственного университета  
имени Петра Стучки  
том 215

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 2

Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки  
Рига 1974